

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

Светлана Адоньева
**ДУХ НАРОДА
И ДРУГИЕ ДУХИ**

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 394
ББК 60
А31

Адоньева С.

А31 Дух народа и другие духи / Светлана Адоньева. — М. ;
СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира»,
2022. — 287 с. : ил. — (Серия «Пальмира — университет»).

Книга антрополога, фольклориста С. Б. Адоньевой состоит из серии антропологических очерков, описывающих культурные стереотипы, которые формируют картину мира постсоветского человека, — от встречи Нового года до посещения мемориальных «садов камней».

**УДК 394
ББК 60**

ISBN 978-5-517-07375-4

© Адоньева С. Б., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ОТ АВТОРА

О чем пойдет речь в этой книжке? О тех действиях, которые мы совершаем праздно, объясняя творимое обычаем или собственной вольной волей. И о тех чувствах, которые мы испытываем, думая, что они уникальны, что они — наши личные, особенные. А они тем не менее оказываются общими для многих.

Так, мне всегда почему-то трудно было строить планы на новогодние праздники. Новогодняя ночь стоит как стена: все должно происходить *до* нее или *после*, поскольку в ней самой есть трепет временного разрыва, случая, но не несчастного, напротив — чуда, дара. Ты ждешь события, которое не ты планируешь, но — о тебе спланировано, причем спланировано теми, кто тебя любит. Я уверена, что мой читатель знает, о чем я, а следовательно, нас не так мало — чувствующих одно и то же в предлагаемых обстоятельствах и делающих — одно и то же.

Ну, например, пнуть табурет, о который больно ударился.

Или — сжечь фотографии изменника.

Или — менять старую жену на новую каждое десятилетие.

Или — сплести венок и бросить в воду или туда же, в реку — бутылку с посланием.

А еще — поехали себе отдыхать, ну, скажем, в Грецию, или в Крым, или в Вологодскую область. Остановились где-то в красивом месте и увидели родничок. А над ним дерево, все увязанное ленточками-тесемочками. И люди приходят, и веревочки на наших глазах завязывают, а на вопросы «зачем?» не отвечают, стесняются. Дай-ка и я привяжу, на счастье, хуже не будет.

Я впервые обратила внимание на эту традицию — с ленточками-веревочками, когда лет десять назад была в Истре, в Новом Иерусалиме.

Случился первый осенний заморозок, золотые, не успевшие побуреть листья издавали под ногой хрустальный треск. Было тихо, морозно и ясно. Когда мы вышли за стены монастыря и отправились к «иордани», к хрусту мороженого листа добавился еще один звук, похожий на хлопанье белья на ветру. Источник звука открылся скоро и поразил своей театральностью. В том смысле, что наблюдаемое могло быть только декорацией, чем-то сделанным специально для каких-то нам неведомых, но кому-то ясных целей. Все деревья и кустарник вокруг «иордани» были густо перевязаны лоскутами прозрачного полиэтилена, который, промерзнув, громко хлопал на ветру. Картине было дано объяснение: у паломников-туристов не случалось тесемочки, они отрывали лоскут от пластиковых мешков и привязывали его «на счастье». В отличие от ткани синтетика не тлеет, и за годы паломничества кустарник превратился в рошу с вечной листвой. Место более походило на кислотный арт-объект, нежели на святилище.

Итак, эта книжка о коллективных чувствах и коллективных действиях.

Мои дети, рожденные в девяностых, уже не видели учебный фильм «про собаку Павлова». Для тех счастливых, которые не были травмированы с детства ужасом пробирки, вставленной в живую собачью плоть, я расскажу историю про условный рефлекс.

Собака видела лампу, которая зажигалась в тот момент, когда ей приносили миску с едой, и привыкла к этому совпадению событий. Лампа зажигается — появляется еда — выделяется слюна и капает в ту самую пробирку. Еду приносить перестали, а слюна продолжала выделяться в тот момент, когда зажигали лампу. Собака испытывала голод и готовилась к принятию пищи при виде предмета, совершенно неаппетитного. Это и был ее условный рефлекс.

Наши собственные коллективные чувства и действия суть такие рефлексy. Вопрос, на который я искала ответ, состоит

в том, кто этот «Павлов», что в нас их выработал и за счет каких лабораторных постановок. Ответы не всегда оказывались однозначными, но на пути их получения удавалось обрести нечаянную награду, не только познавательную, но и психотерапевтическую. Осознать природу собственных действий и правил означает возможность ими управлять, а значит, не зависеть от них, освободиться. А свобода — всегда хорошее приобретение. Так, я могу лечь спать до двенадцати ночи 31 декабря: новогодние бдения утратили священный смысл. Не буду жець фотографию изменника и смогу объяснить, что именно делает тот/та, кто сжигает. Расскажу своим тридцатилетним приятелям, что в их страсти к новой секретарше мало личного.

Общим для текстов, объединенных в этом издании, является то, что внутренним мотивом к их написанию в каждом из случаев было желание понять факты той культуры, к которой я принадлежу. Такая позиция позволяла видеть связь между символической формой — высказыванием, действием, предметом — и ее эмоциональным, психологическим содержанием. Поклонение кумиру, «страшные истории», Дед Мороз, родильные дома и пионерские лагеря, гадания на суженого и пение застольных песен — личное прошлое, эпизоды личной биографии. Вместе с тем едва ли можно представить себе биографию гражданина СССР, рожденного в 1930—1980-х годах, лишенную всех составляющих приведенного перечня.

С тех пор как я обратилась к этим темам впервые, прошло десять лет. В результате моих исследований в 2001 году вышел сборник очерков «Категория настоящего времени». Некоторые мои коллеги сочли эту работу ненаучной, хотя я считала, что делаю нечто вполне «ученное». Значительная часть моих друзей и читателей, напротив, сочла ее слишком научной и поэтому трудной, хотя им всегда было интересно слушать мои рассказы. Эту книгу я написала для друзей.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ И ЖИЗНЕННЫЕ СЦЕНАРИИ

Не существует прошлого вообще и будущего вообще. Все зависит от того, как мы расположимся в точке нашего настоящего, и от того, захотим ли вообще эту точку заметить. Так же и история никогда не бывает историей вообще, она всегда чья-то история: она не может разворачиваться иначе как из точки «я — здесь — сейчас», из точки настоящего, причем такого, которое кем-то переживается:

«Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает... Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того, как это ожидание обрывается и уходит в прошлое, туда устремляется и память моя. Сила, вложенная в мое действие, рассеяна между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я еще скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь все в памяти. То, что происходит с целой песней, то происходит с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же проис-

ходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как из частей, из человеческих действий; то же со всеми веками, прожитыми „сынами человеческими“, которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней» (Аврелий Августин. Исповедь).

Надвигающееся будущее может быть «исполнено» в настоящем так же, как исполняется песня в приведенном выше описании св. Августина. Такой «текст» располагается вне временного потока, он служит образцом для данного, но не единственного ис-

полнения. «Исполнитель» такого настоящего целиком предопределен существующим до момента исполнения образом.

Свобода в исполнении собственной жизни, в принятии решений в каждый момент времени ограничивается в значительной степени тем, к какому жанру я прибегаю для понимания происходящего: «Как мы лодочку назвали, так она и поплывет».

Совокупность жанровых сценариев, заданных культурной традицией — родителями, школой, любимыми фильмами и книжками, — позволяет иметь предсказуемое будущее. Жанр в данном случае — способ организации отдельных фрагментов жизни в связное повествование. Например, писательница Дарья Донцова в начале автобиографического очерка «Записки безумной оптимистки» замечает следующее:

«За последние полгода я, проигнорировав совет профессора Преображенского (профессор Преображенский — один из главных героев книги М. Булгакова „Собачье сердце“, который настоятельно рекомендовал не читать газет на ночь), перед тем как заснуть, листала самые разные издания и почти во всех натыка-